

*Айгуль**Бескентирова*

МИТЬКА

Митька был метисом – мама русская, папа кореец. «Сын сапожника и портной», как любил говаривать, уже о своём происхождении, другой мой однокашник Рауф.

Митьку принимали за казаха, ему это не нравилось, он подчёркивал: «Мама у меня русская». Если бы его папа был юристом, может, он, как болезный Жирик, хвастал бы отцом...

Митькин отец был высоким, даже прилично высоким для азиата, мужчиной, с удивительно красивыми огромными черными глазами, опять же что было редкостью для корейца. Большеглазые казахи встречались, а вот корейцы реже, по крайней мере в нашем городе.

Одна несчастная библиотекарша даже преследовала Митькиного папашу по причине своей в него влюблённости. Эта история, став почти городской легендой, разъединила прежде друживших семьями казахских Капулетти с корейскими Монтеки, но это уже другая история.

Итак, Митька. Он неплохо брэнчал на гитаре и пел малоизвестные в нашей провинции песенки московских бардов – наследие армейской дружбы с «дедами»-москвичами. Все эти «в Москве большие улицы в неоновых распятиях...» и прочий невзыскательный шансон из Митькиного репертуара на наших редакционных загородных пикниках сходил на «ура».

Я была Митькиной «жилеткой», он плакался о безответных своих влюбленностях, непонимании родителей и о том, как нестерпимо было ему в далеком читинском краю терпеть дедовщину. Об этой самой дедовщине впервые я услышала именно от него. Вездесущая совковая пропаганда не позволяла мне доверять Митькиным рассказам. Пока пару лет спустя не грянула гласность, добившая мою наивную веру в «армию, где порядок».

Вскоре Митька женился на некоей Наде. Поскольку видела его после женитьбы мельком, запомнила лишь его слова, какая она красавица, и как его, Митьку, боготворит. Я была рада за Митьку, неплохой же, в сущности, парнишка, пусть и с небольшими комплексами. У кого их нет в нашей не самой свободной отчизне.

Спустя пару лет, приехав навестить маму в родной город, я с удовольствием обнималась со встречными давними знакомыми. Благо все мне были искренне рады и удивлялись тому, что я вдруг вынырнула пред их очи откуда-то из нашей прошлой общей жизни.

Надо сказать, знакомых у меня оказалось немало. Мне на третий день даже поднадоело рассказывать, где я и что я.

Пришло, увы, время собираться назад. Мы с сестрой, мамой и двумя племянниками, то и дело бегавшими вперёд-назад и вопившими, как с десятков угорелых

малолеток, прогуливались неторопливо, в хорошем настроении, по любимому бульвару.

Я узнала Митьку уже издалека, он шел с двумя парнями и какой-то девичьей, как и, естественно, и он меня узнал – попробуй нашу разудалую громкоголосую толпу не заметить. Тем более что двигались напрямик навстречу друг другу.

Я уже мысленно распахнула руки навстречу Митьке, предвкушая, как обнимемся и начнем восклицать и говорить друг другу всякие хорошие слова. Уж его-то увидеть я была рада.

Но Митька рыскал глазами по траве, будто что-то искал там, так что друг, шагавший рядом, даже окликнул его: «Ты чего потерял?», а Митька продолжал упорно, не поднимая глаз, выискивать по сторонам неведомое.

Митька ничего не потерял, это было понятно. Митька изо всех сил делал вид, что вот эта идущая им с друзьями навстречу толпа ему совсем даже незнакома, что эти люди ему никто, и звать их никак.

Я, почти уже остановившаяся, продолжила свой шаг, но уже с постепенно овладевающим мною недоумением. Мимо проходил прячущий взгляд Митька, внезапно напомнив, как кидали вслед нам, смуглолицым своим сверстникам, обидные дразнилки белобрысые соседские пацаны...

Митька, наверное, тоже в детстве слышал эти оскорбительные слова и прозвища. Митька их не забыл. Митька сам стал на мгновение одним из тех недоумков, в которых невесть откуда взрастало чувство превосходства над теми, кто не похож на них ни ликом, ни взглядом.

Помню жгучее чувство стыда. Как будто это я прошла мимо давнего знакомого, не поздоровавшись.

Наверное, Митьке самому было потом жутко тошно.

ШУБА

...В небольшом провинциальном городке ЧП районного масштаба – прямо на площадь перед универмагом выкинули шубы!.. Они лежали на наспех сооружённых, грубо сколоченных торговых прилавках горой. Редкого на ту пору серого цвета, вполне, впрочем, оригинального на фоне привычных черно-коричневых меховых близнецов с шалевыми воротниками, эти шубки были со стоечкой, а-ля двадцатые годы позапрошлого века. Словно пошитые на гимназисточку, эти шубы, с лёгкой кудрявинкой от барашка, год назад ещё щипавшего травку на жайляу, были хороши.

И стояли рядом с этим богатством растерянные случайные покупательницы – мамы, жены, сёстры, дочери... Ни тебе сотовых телефонов – невинные восьмидесятые на дворе. Беги до автомата с двушкой-монеткой, если исправен этот располагавшийся в покорёженной, выдавшей виды будке телефон. Проси, умоляй занять сто восемьдесят крайне нужных рублей. Солнышко печёт, озеро, ещё час назад манившее к себе, забыто – шубы выкинули!..

Помнится, позже нежданно выяснилась причина изобилия, обрушившегося на ошастливленных покупательниц. На шубы, бережно оберегаемые от рядовых покупателей, напала... моль. Женщины, приобретшие их, уже через год латали шубы в местном ателье...

...Помню мамин рассказ, как ярким снежным днём шла она с приятельницей из числа статусных дам. Мамина приятельница дама дородная, была одета в столь же солидную шубу. Уютно упакованная, дама несла себя с величавым достоинством. Так, по крайней мере, казалось маме. И случилось же им встретиться с матерью моей одноклассницы. Они с мамой давно знакомы, на родительских собраниях рядом садятся. Окинув взглядом движущуюся навстречу шубу, мать одноклассницы поздоровалась кивком головы с... шубой.

Мама несколько раз с обидой рассказывала мне этот эпизод.

– Ну, мама, наверное, она поздоровалась с вами обеими...

– Нет! Она меня даже не заметила... Она окинула взглядом шубу и поздоровалась, но не со мной. Меня она не увидела!..

Мама долго помнила эту обиду.

...Когда женился брат, в первую же зиму они с женой купили ей в комиссионке шубу, почти новую, к тому же пятнистую, ну тебе цигейковый леопард!..

Зашли как-то в той обнове к другу Саньку. Мать Санька, женщина приметливая, похвалив шубу, тут же задала братишке вопрос: «А маме своей ты купил шубу?..» И при встрече сообщила, естественно, об этом нашей маме, так сказать, выразив сочувствие...

Этот предмет одежды приобретал в моих, тогда подростка, глазах необъяснимую сакраментальность.

Уже много позже мне нравилось, как шутила, облачаясь в свою шубейку из искусственного меха, моя давняя приятельница: «искусство принадлежит народу».

...Мы, мамыны дети, так и не успели, собравшись вместе, подарить ей шубу. Помню маму в пальто с цигейковым воротником. В нём она ходила всё наше детство. Последнее, зелёного сукна, уже с норковым воротником пальто было предметом её гордости.

«ЗАЖИГАТЕЛЬ» ФОНАРИКОВ

Встретила Инну на автобусной остановке. Она, как всегда, спешила на подработку, рабочий день у неё короткий из-за инвалидности, перенесла несколько операций на ноге ещё в детском возрасте. Красавица, умница, ведущий специалист отдела. Всегда люблю её на корпоративах наших, где Инна блистает. А всего лишь – объяснит приятельнице – «неделю голову не мыла, покрасила волосы, накрутилась – и о-ля-ля». Все и вправду дружно ахнули при виде возникшей в предновогодний вечер Инны во всей её замечательной красе. Наряды свои, в дисконт-центре приобретённые, сама перешьёт, перефантазирует – ну тебе брендовая вещица, не иначе. Женщины от зависти делают вид, что не замечают – верный признак, что блузка у Инны получилась суперской.

Семья сына, молодые родители люди творческие, внучка ей подкинули. Третий год Инна моет полы в аптеке, где заведующая за всё время ни разу не назвала Инну по имени-отчеству, спасибо, здороваётся по утрам, приходя обыкновенно позже подчиненных. До аптеки Инна подрабатывала мытьём в вузе, где заходившие в аудиторию преподаватели и многочисленные лаборанты даже не кивали

работающей при них Инне. Когда однажды здесь появилась приглашенная из соседнего учреждения совместитель и, улыбнувшись, поблагодарила Инну за только что наведенную в аудитории чистоту, Инна обомлела от неожиданности. Девушки-фармацевты из аптеки Инну обожают, стараются подсобить ей, она им и старшая подруга, и советчица.

Муж Инны тоже из творческих натур, чаще без работы, чем с оной пребывает. На родном предприятии его или в отгулы отправляют, или на «четырёхдневку». Отсутствие заказов, то есть работы, там почти норма. Большинство инженеров давно разбежались по другим предприятиям, один Виктор Петрович ждёт обещанного подъема отечественного производства. Пока же в порыве бездельного вдохновения он то холодильник домашний покрасит в ярко бордовый цвет аэрозольной краской, сам при этом едва не отравившись парами её, то шифоньер, почти антиквариат, лепниной из реечек изуродует. «Очумелые ручки» – его любимая телепередача. Как-то, выкорчевав, к ужасу Инны, на даче берёзку, пристроил её в прихожей. Единственная польза от загубленного дерева – их рыжий котяра точит теперь об него свои когти.

– Как дела, Инна? – приветствую её.

Она сегодня грустная какая-то. Оказалось, внука не берут в обычную школу. Гиперактивный её внучок и в детском саду не давал продыху воспитательнице предпенсионного возраста, а в школе его теперь пытаются отправить в класс ЗПР. Какая там задержка психического развития у Павлушки, когда все признаки опережения развития налицо. Смышлёный и развитый мальчишка, единственное, чего и в самом деле не умеет – сидеть спокойно за партой и внимать командирскому голосу учительницы. Надоело если – может отправиться без вызова учителя к доске. Не дадут на ней написать, что захотелось, пойдёт без разрешения гулять в школьный коридор. Однажды его еле отыскали в каморке, где дворник прячет свои мётлы-лопаты. Павлик сидел на единственном табурете и выколачивал скребком по днищу алюминиевого ведра одному ему ведомую мелодию, его только по этому звуку и отыскали. Так бы до самого вечера взмыленная учительница искала вместе с завучем своенравного пацана... Итог: велено забрать его из школы подобру-поздорову.

– Куда мне его? – печально спрашивает Инна.

Я не знаю, как ей помочь.

– На домашнее обучение? – говорю лишь бы сказать что.

– К деду? Чтобы он его научил оставшуюся мебель докрасить?.. Хотя, – сама же улыбается, – с дедом у него полный контакт.

Дед с внуком ходят в соседний парк, где играют в мини-футбол на дорожке, подальше от мамаш с колясками. Те всё норовят указать: здесь вам не футбольное поле. Вдвоём мастерят кормушки из кефирных тетрапаков, ярко раскрашивая их поверх предварительно обклеенной белой бумаги фантастическими сюжетами. Спорят из-за них, и диву даёшься, почему такой азартный выдумщик в школе молчит у доски, когда учительница задаёт ему всякие разные вопросы.

– Представляешь, будет молчать, как партизан. Спрашиваю дома: почему не отвечал? Ведь мы вчера с тобой разобрали задачку. «Зачем она спрашивает решение, когда сама знает?» – «Ей надо, чтобы ты знал!..»

– Заглядываю в комнату позвать на ужин, пару раз окликнула, не идёт... – продолжает свой рассказ о внуке Инна. – Гляжу, сидит себе и по воздуху руками

водит, дирижирует или оглаживает что... «Павлуша, сейчас же иди мой руки!» Забыла, что ему нельзя в приказном тоне что-то говорить – оглох окончательно.

Позже, правда, рассказал Инне, что это он со своими друзьями – разноцветными светящимися шариками играл. Они к нему ластились, они его, Павлушку, любят, они умеют менять свои самые неожиданные формы. Потом он этих друзей своих к деду отослал. Дед, правда, ничего не понял, погрузившись с головой в политическую передачу с орущими, как футбольные фанаты, участниками бесконечного шоу.

– В следующий раз внук пообещал прислать мне своих друзей, шарикоголовых. Мы с ним только дочитали «Карлсона...», вот и фантазирует ребёнок, думаю.

А недавно утром вбежал ко мне в спальню: «Инна!..» – он меня вслед за дедом по имени зовёт. А что... мне лично нравится, – улыбается Инна. – «Инна, – кричит, – ты видела, какие они красивые?.. Это я их зажёл, фонарики!.. Я – зажигатель фонариков!..» – «Кого, Павлуша? – говорю. – Кого видела?.. Какие фонарики?..» Забыла совсем, что он своих светлячков обещал прислать, как появятся вновь. «Ты не увидела их?..» – и разочарованно пятится из спальни.

Иду на кухню, вспоминаю, что хотела тонометр из шкафчика достать – жутко болела с утра голова, наверное, давление подскочило, ночью ерунда какая-то всё снилась. И понимаю вдруг, что боль моя куда-то делась, голова ясная как никогда, только перед глазами блёстки тают в воздухе... «Павлик, Павлуша, я их видела! Видела твои фонарики...» – обнимаю внука. И такая вдруг жалость к светлой его головке меня охватила, будто кто у меня его отнять хочет... И печаль в душе, что такой он у нас, никому не понятный и чудный растёт... Господи, да что это я такое говорю – да слава богу, что мой Павлушка такой, а не другой. Всё будет хорошо, всё будет... – спохватывается Инна и спешит к подъехавшему автобусу.

КОРОТКОЕ ЛЕТО

Всё стремительнее уходили, словно убежали от надоедливых людей, короткие летние дни. Прохладными вечерами в постели на чердачном полу было уже неуютно. Здесь с мая по сентябрь жил Жумабай.

Последнее перед окончанием училища лето словно было проклято небесами, лили нескончаемые проливные дожди. Солнце, выглядывавшее на полдня в небольшие просветы, не успевало подсушить тропы. Овцы, которых пас Жумабай дни напролёт, бестолковые создания, через день и чаще соскальзывали в овраги, которых здесь несчётное множество.

Худушему парню тягать их без чьей-либо помощи было почти невозможно. Оврагов здесь вместо прежних добротных пастбищ, после «освоения земель» в целинную пору было больше, чем населявшей степь живности – сусликов и прочих пугливых сурков. Барашков надо было спасать ещё и потому, что дядька грозился отписать в училище директору, у которого сам же и выпросил родственника в зачёт производственной практики.

Дядьке требуется стопроцентная сохранность, чтоб разжиревшие за лето барашки принимались в заготконторе и доставлялись прямиком в областной центр. Что он за это имел, Жумабаю было неведомо. Главное, что обещал одеть

к учебному году, всё ж последний курс перед окончанием, пятнадцать скоро стукнет парню...

Обещал... Но в последний раз, когда резвый ягнёнок, подвернув ногу, загнулся, оставшись в густой траве, Жумабай не сразу спохватился. Дядька, от души выматерив его, грозился отправить в город в грязной фуфайке, выданной Жумабаю в училище для практики, и в сапогах, в которых он всё лето парился и уже и сам порою от запаха ног страдал.

А тут ещё эта девчонка городская, что каждое лето у бабки своей с дедом гостит и иногда встречает с детворой коров. Жумабай знает, что она пугается надвигающегося стада и всегда ждёт в стороне ото всех. Аульные мальчишки помогают ей, погоняя вместе со своими бурёнками и их корову. Так и идут, окружив Индиру гурьбой и громче обычного стараясь перекричать друг друга. Вот и нынче, как ни гнал он бедных барашков своих, едва успел вслед за коровами на поляну за пригорком, где обычно толпится ребятяня, встречающая стадо. Опять не успел. Только вдали мелькнула светлая её головка, с затейливо, по-городскому, заплетёнными косичками.

А всего-то и хотел – увидеть, как она, точь-в-точь как в прошлый раз, хмыкнет, оглядев его с головы до ног... И тогда он, стегнув камчой по земле и подняв пыль до небес, взглянул бы надменно и помчался прочь на своём верном Актоше, на зависть всему её сопливному окружению.

И что она строит из себя, эта Индира. Честное слово, не нравится Жумабаю это имя. Ей бы пошло Алтынай... Или Алтыншаш, вон какие золотистые у неё косы.

Назавтра обогнали-таки коров его пугливые барашки, пришли раньше. Девчонка стояла, как обычно, в стороне. Жумабай, направив коня в её сторону, вдруг, осмелев, наклонился и спросил негромко: «А что означает твоё имя?..»

Индира, как и в прошлый раз, хмыкнув, ответила: «Ты не знаешь?.. Ха, это индийское имя, глупыш».

– Но оно же переводится как-то, все имена имеют значение...

– А твоё имя как? – спросила она.

– Меня зовут Жумабай, – сердце его радостно ёкнуло от вопроса девчонки.

– Ха, Жумабай... Богач, значит, ты пятничный... что ж ты баранов пасёшь, богач драный... – весело, уже отбегая к своим приятелям, крикнула она так, что всем вокруг были слышны её последние слова. Будто пощёчину влепила.

...Жумабая ночью сильно лихорадило. Видно, всё-таки пронял его позавчерашний ливень. Ночью снилась всякая всячина: хохотала вдали дикая птица, путались ноги в стремях, убегали далеко вперёд огненные коровы...

Жена дядьки, пожав плечами, дала какие-то таблетки, когда Жумабай утром, спустившись с чердака, пожаловался ей на недомогание. Выпив горячего чаю и схватив котомку с приготовленной ею дневной снедью, он запрыгнул на смирную свою лошадку и отправился отгонять стадо.

День проходил обычным своим чередом. Таблетки вроде помогли, чувствовал себя вполне бодро, только петть не тянуло. А петть Жумабай всегда любил. Так, бывало, затянет что-нибудь своё любимое... Да и почему не затянуть – степь да простор кругом, сам себе и режиссёр, и зритель. Недаром завуч из училища в хор его зазывала, обещая походатайствовать при распределении, которое случится через год, чтоб в городское СМУ взяли парня – там со временем жильё получить можно. Да и без того Жумабай согласный – с песней легко, она тебе будто душу

бережёт. Так хорошо и славно становится, когда поёшь. И слова в иных песнях такие, хоть плачь. И плачешь ведь... Но не горько, а будто счастливый ты, и всё у тебя непременно сбудется. Говорили ему, что мать его была певуньей с красивым голосом. Маленькая росточком, а как запоёт – все вокруг затихали.

Вот и в тот недавний день, когда узнал, что Индира вновь приехала к родным, запел с радости этой на всю степь раскинувшуюся. Да так, что из остановившейся вдали на трассе машины ему крикнули одобрительно: «Здорово, жигит!», и помахала из заднего окна «жигулёнка» девушка. Жумабай посмеялся над собой: во, распелся, людей рассмешил... Ещё и Актош, как всегда, в ответ на его пение заржал, словно жеребец он быstroногий, а не коняка старый.

Сегодня всё было как обычно. Но не пелось, вообще ничего не хотелось. Он так и не раскрыл свернутый в узелок привычный обед. Только отпил из бутылки давно остывшего чая.

...Подбадривая ударами сапог четвероного спутника, Жумабай подъехал к берёзе, закинул на её крепкую верхнюю ветку верёвку, для чего-то болтавшуюся в сумке у седла, крепко затянул её, сделал вторую петлю, надел на шею. И, не давая себе опомниться, стал колотить изо всех сил по худым бокам, подгоняя заезженного коня... Оставалось всего лишь, привстав, прыгнуть...

Но Актош упирался, не понимая, а может, как раз понимая, чего от него хочет ездок, и, словно, не замечая ударов жумабаевских кирзачей, вставал на дыбы, не подчиняясь командам, держась из последних своих лошадиных сил.

Когда Жумабай понял это, он медленно, почти онемевшей рукой снял с шеи верёвку и, обняв потную шею Актоша, облегчённо зарыдал.

Низко опустив голову, прислушиваясь, Актош ждал, когда друг наконец скамандует привычное: «Ач-ччу!.. в путь!»...

Айгуль Бескемпирова – журналист и писатель из Омска. Родилась и начинала свой творческий путь в Кокшетау. Многие годы была корреспондентом, редактором корпоративной газеты, внештатным корреспондентом ряда омских СМИ. Лауреат литературной премии журнала «МС-квадрат» (2010), премии «Алтын Адам», учреждённой общественной организацией «Казахи Омска» (2018). Рассказы печатались в журнале «Литературный Омск». Сотрудничая с омской редакцией Книги памяти «Забвению не подлежит», выпустила книгу «Боль и память» (2007), посвящённую судьбам репрессированных казахов Омской области. Автор сборника художественной прозы «Сильнее всех невзгод» (2014).

